

Пресс-бюро «ИК»

Этот выпуск рубрики «Пресс-бюро» мы посвящаем творчеству Кевина Костнера и Мэрил Стрип. Публикуем ниже интервью с выдающейся американской актрисой Мэрил Стрип было напечатано в журнале «Time Out». Он издается в Лондоне и предназначен не столько для специалистов, сколько для широкой зрительской аудитории, озабоченной проблемой полноценного досуга. Это обстоятельство, естественно, накладывает своеобразный отпечаток на стиль интервью, автор которого пытается разузнать у актрисы «личные» обстоятельства ее биографии. Это, впрочем, не менее интересно, чем ее творческая биография. Напомним нашим читателям, что из фильмов с участием Мэрил Стрип у нас в стране шли «Краммер против Краммера» (режиссер Роберт Бентон; приз «Оскар» за роль второго плана), «Женщина французского лейтенанта» (режиссер Карел Рейш), на Московских кинофестивалях показывались также фильмы «Крик в ночи» (режиссер Фред Скарпис), «Выбор Софи» (режиссер Элан Дж. Паула) и «Чертполох» (режиссер Эктор Бабенко). О Мэрил Стрип также см.: «Искусство кино», 1989, № 12.

В сорок один год Мэрил Стрип покачивается на волнах успеха, то взмывая вверх, чтобы получить «Оскар» за роли в фильмах «Краммер против Краммера» (1979) и «Выбор Софи» (1982), то немного опускаясь — «Силквуд» (1983), «Из Африки» (1985), а в последние годы и ныряя, сляпавшись в таких, имевших скром-

ный коммерческий успех картинах, как «Изобилие», «Оскомина» и «Чертполох». Но именно их она защищает, называя вызовом мужским бездарным «фильмам действия».

Ее последняя работа — роль в мелодраматической комедии Майка Николса «Открытки с края бездны» (по роману Керри Фишер) о взаимоотношениях актрисы-наркоманки и ее властной матери (Ширли Маклейн)².

² О фильме также см.: «Искусство кино», 1991, № 1.

«Мне казалось, я кое-чего достигла, потому что мне страшно появиться перед зрителями. Жутко боюсь выйти на сцену».

Боятся выйти на сцену? В жизни не подумаешь. Она скромна и очень дружелюбна, но при малейшей попытке торгнуться в ее личную жизнь замыкается и настораживается. «Моя личная жизнь не продается».

Сообразительная, но простоватая девочка Мэри Луиз Стрип родилась 22 июня 1949 года в Саммите, штат Нью-Джерси. Училась в колледже Вассара, потом в Йельской драматической школе. Успех пришел к ней почти сразу же после «Джулии»³. «Просто повезло», объясняет она, — и еще было желание испробовать все что угодно».

В 1978 году разыгралась трагедия: от рака скончался актер Джон Казэйл — единственный человек, к которому она тогда испытывала серьезную романтическую привязанность. За несколько месяцев до его смерти Стрип перестала работать, переселилась к нему в больницу и уморительно читала ему спортивную хроника.

Шесть месяцев спустя она познакомилась со скульптором Дональдом Гаммером, стала его женой. «Он великолепный муж», — говорит Стрип. По общему мнению, их брак счастливый. Сдержанный Гаммер обожает маленьких Гаммеров — Генри (10 лет), Мейми (7 лет) и Грейс (4 года) — и прекрасно справляется с ролью папочки-домоседа. Интервью, которое предлагается вашему вниманию, Мэрил Стрип мне дала за завтраком в манхэттенском отеле «Лоуэлл».

— Вас отличает глубокая нравственность.

— (Громкий смех.) Вы хотите сказать, что я не сижу, раздвинув ноги? Ну что же, спасибо.

— Приятно встретить актрису, которая не помешана на своих ногтях или записках видеороликов с аэробикой.

³ «Джулия» (1977), режиссер Фред Циннеман.

Мэрил Стрип. Обложка журнала «Тайм аут»

— (Смех.) Чего нет, того нет.

— Об «Открытках» вы говорите, что это один из первых содержательных фильмов этого года, где нет гремлинов и робокопов.

— Совершенно верно. Если вы живете не в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе, нигде ничего не заметишь. В Коннектикуте, где я живу, показывают только «Молодых стрелков II» и «Вспомнить все»⁴.

— Мэрил Стрип снимается в неброских фильмах.

— Да. «Крик в ночи» — чудесная картина, но, полагаю, прокатчики предпочли бы что-нибудь более коммерческое.

— «Рокки 12»?

— Да. Поставьте себя на их место. Вы бы что выбрали? Если бы вы были актрисой, что бы вы предпочли сыграть роль в картине «В поисках потерянного ковчега» или роль в «Изобилии»? Конечно, я

люблю работать, я люблю получать деньги, но сниматься ради денег все равно что... делать лампы...

— Из недавней появившейся рецензии: «Сейчас она, как говорят, получает 4 миллиона за фильм, но при этом популярности ее падает. Несмотря на то что она получила двух «Оскаров», одну премию «Эмми», семь выдвигалась на премию Американской академии и один раз на премию «Тони», зритель не идет в кинотеатры. Вы верите этому? Вам это не безразлично?»

— Нет. Этому я не верю. Во-первых, в «Голливуд рипортер» приводился перечень самых кассовых актрис мира. Я во главе в большинстве стран. Зрителей вообще становится меньше. Из-за того что рынок все более и более четко определяет возрастную группу, на которую следует ориентироваться, — молодежь от 16 до 25 лет, — получается какой-то синдром яйца и цыпленка. Что появилось раньше? Сначала они выпускают всю эту развалку, а потом изучают, кто ее смотрит.

— Майтник скоро качнется в другую сторону, потому что прошлым летом на долю суперкоммерческих фильмов не выпало уж слишком большого кассового успеха. «Дни гро-

⁴ Имеются в виду фильмы соответственно Кристофера Нейна и Пауля Верхувена.

ма»⁵ обошлись в 60 миллионов долларов, а соберут, наверное, 40. Теперь все стратеги на студиях засуетились и ищут виноватых. В «Днях...» все шумит и грохочет, а результат все равно оказался не таким, как хотелось бы. Может быть, это предвестник перемены.

— Во главе которых?..

— Я. Я хочу, чтобы люди снова вернулись в залы. Потому-то я с вами и разговариваю. Возвращаться безопасно. «Открытки» предлагают вам восхитительное путешествие. Фильм умный, смешной, сделанный с душой. Любуй, у кого была мать, откликнется на него. (Смех.)

— Ваша героиня Сьюзен страдает от унижений: ее втягивают в любовные отношения, едва она успевает выйти из наркологической лечебницы, она лишается всех своих денег, ее изводит и терроризирует мать, и она снова тянется к наркотикам.

— Да, у нее есть проблемы. Но у нее есть машина, достаточно денег, чтобы покупать одежду, красивые сережки, ей достаются такие роли в фильмах, за которые другие отдали бы что угодно. Поэтому она жертва своего счастья, равно как и своего несчастья.

— В какой-то момент она говорит: «Я не чувствую своей жизни».

— Вот именно. Из-за этой самой фразы мне и захотелось играть. Я чисто эмоционально ухватилась за это. Я не чувствую своей жизни... Так человек окончательно отделяет себя от того, что его окружает. Сьюзен очень ранима, она сама себе кажется настоящей. Она говорит со мной на моем языке в большей степени, чем любой персонаж, которого я играла прежде.

— В чем вы с ней похожи? — Это все есть в фильме. Она ранима так же, как я, ее желание идти по обсаженной розами дорожке — это мое желание.

— В фильме ее чувство защищенности еще более усиливается, когда костюмерша

⁵ Фильм Тони Скотта (1990) с участием Тома Круза.

критикует ее распыляющееся тело и широкие бедра.

— По-моему, это великолепно. (Смех.) Точнее не передашь суть «мясного рынка» в Голливуде.

— Вас на нем когда-нибудь убивали?

— Однажды — да. Я пробила роль, и сын Дино Де Лаурентиса пригласил меня к своему отцу, который очень мягко разговаривал со мной. Потом, обернувшись к сыну, сказал ему по-итальянски: «Она же... Кто она? Она недостаточно хорошенючка, недостаточно красивая. Почему ты заставляешь меня терять время?» Я знаю итальянский. Я ответила: «Non te riase polto», что значит: «Мне это не очень-то нравится» — и вышла из комнаты. Подобная двуличность в Голливуде процветает. Просто тошнит от того, до какой степени женщины оценивают по ее внешнему виду.

— Вам нравится то, что вы видите в зеркале?

— Наступил такой момент, когда я уже ничего не собираюсь менять. Я некоторое время уже прожила вместе с этим человеком.

— Оставим в стороне внешность, почему вы, у которой трое детей, чудесный муж, миллионы в банке и карьера международного масштаба, сравниваете себя с незащищенной Сьюзен?

— Взгляните на кого угодно в Голливуде. У многих все это есть, но они не способны ощутить себя такими, какие они есть... Сьюзен чувствует, что жизнь ее началась лишь тогда, когда она перестала быть простым партнером, например, своей матери, и зажила собственной жизнью, делая самостоятельный выбор.

— Наиболее явно это заметно в предпоследней сцене, когда мы видим Ширли Маклейн без грима — ее героиня оказалась в больнице после того, как спьяну врезалась в дерево.

— Да, тогда-то, наконец, мать и дочь воссоединяются. Ведь они очень любят друг друга. Мать становится ребенком, а ребенок матерью.

— Вы как-то опирались на

⁶ «ВМВ» и «порше» — дорогостоящие западногерманские модели автомобилей. К более дешевым моделям Стрип относится японские — «тойотун» и «ниссан».

свои собственные отношения с матерью?

— Конечно.

— И вы слышали от нее такие же слова, которые заставляли вас почувствовать свою вину?

— Безусловно. Некоторые строчки придумала она. Да-да, но я не скажу, какие именно. Мы с Сьюзен и моя мать и мать из фильма очень похожи. Я склонна все переживать очень болезненно.

— Переживать свои поступки?

— Вообще все. Много мне дорого обходится, но знаю почему. У моей мамы дар радоваться сегодняшнему дню. Она просыпается, как младенец в колыбельке, со словами: «Ой, утро! А у меня не всегда такое настроение. Я всегда о чем-то беспокоюсь. Я не беру отпуск, не трачу денег, чтобы развлечься. Иногда я просто думаю: «Зачем все это? К чему? Мир хитится, а им почему-то хочется меня снимать».

— Что есть, то есть. Вы славитесь тем, что ненавидите газетчиков.

— Мама говорит: «Ну почему ты можешь просто получить от этого удовольствие? Они же не покушаются на твою плоть». Когда ко мне в аэропорту подошли эти типы со вспышками, я попробовала ради нее получить удовольствие. Но сама никакого удовольствия не испытала.

— Когда вы снимались в Австралии в «Крике в ночи», вы, говорят, чуть не до слез расстроились, когда газетчики стали охотиться за вашими деталями.

— А вам бы было хорошо? У меня нет охраны, как у Майкла Джексона, я не разъезжаю со свитой, как Элизабет Тейлор. Я не хочу так жить, потому что мне кажется, это портит ребят.

— Так что же произошло? — Мы жили в Мельбурне, а фотографы устроились перед нашим домом, залезли на крышу фургона и заглядывали в высокое окно на лестнице. Моя младшая дочь была просто в восторге! Она все с себя сняла, вышла на лестницу и

стала позировать. А они ее снимали. Я подумала: это переходит всякие границы. Мне безразлично, сколько сейчас лет моей дочери. У человека есть достоинство. Нельзя же платить своими гражданскими правами за то, что стал знаменитостью.

свои собственные отношения с матерью?

— Конечно.

— И вы слышали от нее такие же слова, которые заставляли вас почувствовать свою вину?

— Безусловно. Некоторые строчки придумала она. Да-да, но я не скажу, какие именно. Мы с Сьюзен и моя мать и мать из фильма очень похожи. Я склонна все переживать очень болезненно.

— Переживать свои поступки?

— Вообще все. Много мне дорого обходится, но знаю почему. У моей мамы дар радоваться сегодняшнему дню. Она просыпается, как младенец в колыбельке, со словами: «Ой, утро! А у меня не всегда такое настроение. Я всегда о чем-то беспокоюсь. Я не беру отпуск, не трачу денег, чтобы развлечься. Иногда я просто думаю: «Зачем все это? К чему? Мир хитится, а им почему-то хочется меня снимать».

— Что есть, то есть. Вы славитесь тем, что ненавидите газетчиков.

— Мама говорит: «Ну почему ты можешь просто получить от этого удовольствие? Они же не покушаются на твою плоть». Когда ко мне в аэропорту подошли эти типы со вспышками, я попробовала ради нее получить удовольствие. Но сама никакого удовольствия не испытала.

— Когда вы снимались в Австралии в «Крике в ночи», вы, говорят, чуть не до слез расстроились, когда газетчики стали охотиться за вашими деталями.

— А вам бы было хорошо? У меня нет охраны, как у Майкла Джексона, я не разъезжаю со свитой, как Элизабет Тейлор. Я не хочу так жить, потому что мне кажется, это портит ребят.

— Так что же произошло? — Мы жили в Мельбурне, а фотографы устроились перед нашим домом, залезли на крышу фургона и заглядывали в высокое окно на лестнице. Моя младшая дочь была просто в восторге! Она все с себя сняла, вышла на лестницу и

стала позировать. А они ее снимали. Я подумала: это переходит всякие границы. Мне безразлично, сколько сейчас лет моей дочери. У человека есть достоинство. Нельзя же платить своими гражданскими правами за то, что стал знаменитостью.

стала позировать. А они ее снимали. Я подумала: это переходит всякие границы. Мне безразлично, сколько сейчас лет моей дочери. У человека есть достоинство. Нельзя же платить своими гражданскими правами за то, что стал знаменитостью.

— В июле 1988 года вы набросились на репортера, который пытался сфотографировать ваших двух старших детей, хотели сорвать у него с шеи фотоаппарат, несколько раз ударили его.

— Жаль, что еще не разбил ему физиономию. (Громкий хохот.) Когда дело касается моих детей, я становлюсь тигрицей. И они пасуют. Я и вправду теряю контроль над собой, если происходит нечто подобное. Я теряю рассудок. Меня локтем в живот может ударить кто угодно, но не моих близких.

— Как знаменитость, растаявшая своих детей, вы честолюбивая мать?

— Мм... нет.

— Может быть, из ваших детей ничего особенного не получится?

— Вполне возможно. Вообще-то все об этом говорят. (Усмехается.) Нет. У меня замечательные дети, но мне не удалось направить их в какую-то одну сторону. Я хотела, чтобы мой сын, у которого очень хороший слух, учился играть на фортепьяно — по-моему, ничто не приносит большей радости, чем исполнение прекрасной музыки — музыка и гольфи. Но он просто не захотел. И я оставила его в покое. Родители не ошибутся, если оставят ребенка в покое и прислушаются к нему.

— Так их можно испортить...

— Да, это дело тонкое. Я недавно была в Калифорнии на стоянке в университете. На студенческой части было полно «ВМВ» и «порше», а на профессорской — «ниссаны» и «тойоты»⁶. Нужно проявить

— Да, это дело тонкое. Я недавно была в Калифорнии на стоянке в университете. На студенческой части было полно «ВМВ» и «порше», а на профессорской — «ниссаны» и «тойоты»⁶. Нужно проявить

— Так их можно испортить...

— Да, это дело тонкое. Я недавно была в Калифорнии на стоянке в университете. На студенческой части было полно «ВМВ» и «порше», а на профессорской — «ниссаны» и «тойоты»⁶. Нужно проявить

⁶ «ВМВ» и «порше» — дорогостоящие западногерманские модели автомобилей. К более дешевым моделям Стрип относится японские — «тойотун» и «ниссан».

умение, чтобы не переусердствовать с детьми.

— Вы их когда-нибудь бьете?

— Когда они таскают друга за волосы, такая мысль иногда приходит мне в голову. Но я их никогда не пугаю. Когда я была ребенком, пороли всех.

— Не обижайтесь, но вы снимаетесь в одном фильме за другим. Откуда у вас время воспитывать троих детей?

— Ни у кого это особенно хорошо не получается. И ни у кого нет рецептов. Конечно, есть люди, которые мне помогают. Одна женщина пять лет работает у меня как няня, она — это я, когда меня нет дома.

— Циники могут сказать, что вы богаты, у вас есть нянька, значит, на самом деле вы их не воспитываете.

— Да, моя работа не такая, как у большинства женщин. Над фильмом я работаю четыре месяца, потом делаю перерыв. После того как родилась Мейми, я сделала перерыв почти на два года. За 15 лет я снялась в 16 фильмах, то есть в среднем по фильму в год.

— Вашему браку уже двенадцать лет...

— Да, но если я буду говорить о муже, нашему браку может прийти конец. Мой муж человек замкнутый и не любит, когда о нем говорят в этой связи. Вот так. (Смех.) Главное — помнить о браке ежедневно. Нужно прислушиваться друг к другу.

— Непростая задача.

— (Смех.) Президентом быть, наверное, сложнее, но и это непросто... Для этого вы, собственно, и появляетесь на свет.

— ...Вы посещаете психотерапевта?

— Нет. Моя работа для меня психотерапия. Если бы ходила к докторам, тогда я бы потеряла рассудок. — Но когда у вас возникает по-настоящему серьезная проблема, что вы делаете? — Я сажусь в свое каноэ и выплываю на середину озера. Курт Воннегут говорит: у крошки волеи разглаживаются морщины в мозгу.